

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5
EDN: WDCJDX

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Волков А. Д.^{1*}, Тишков С. В.¹, Аверьянов А. О.²

¹Институт экономики Карельского научного центра РАН
(185030, Россия, Петрозаводск, проспект А. Невского, 50)

²Петрозаводский государственный университет
(185910, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина 33)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики КарНЦ РАН по теме «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования:

Волков А. Д., Тишков С. В., Аверьянов А. О. Социокультурные особенности населения арктических регионов России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 52-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5; EDN: WDCJDX

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования населения двух арктических регионов России, построенного на методологическом базисе модели Г. Хофстеде. Исследование носит поисковый характер и реализует практически не применявшийся в российской практике актуальный инструментарий измерения шести этнометрических показателей Г. Хофстеде на индивидуальном уровне. Решалась задача выявления показателей, отражающих культурную специфику населения арктических территорий Архангельской области и Республики Коми, отличий в значениях этнометрических показателей между различными социальными группами (пол, возраст, уровень дохода). Как показали результаты исследования, уровень значений «маскулинности» выше среди мужчин, чем среди женщин, а уровень значений показателя «допустимости удовлетворения желаний» монотонно убывает от младших к старшим возрастным группам. Выявлено, что между уровнем дохода и значениями показателей «долгосрочности ориентаций», «маскулинности» и «дистанции власти» присутствует статистически значимая положительная зависимость — чем выше значение данных этнометрических показателей, тем выше доход индивида. В рамках сравнения средних значений показателей в территориальном разрезе установлено, что для населения арктических территорий Республики Коми характерен относительно более высокий уровень «коллективизма» и умеренно высокий — значения «маскулинности» и «избегания неопределённости». При этом среди респондентов, проживающих на арктических территориях Архангельской области относительно более высокие значения имеет показатель «допустимости удовлетворения желаний». Сформулирована гипотеза о механизме пространственно детерминированного социально-экономического отбора культурных паттернов индивидов, реализуемого в механизмах воспроизводства человеческого капитала. Эта гипотеза будет проверена в ходе дальнейших исследований, в том числе на материале других арктических регионов. Полученные результаты могут быть использованы в решении задач государственного управления, в частности, для региональной спецификации государственных программ стимулирования предпринимательской активности населения и деятельности в сфере НКО.

Ключевые слова: культура, ценности, арктические регионы, Г. Хофстеде, опрос населения, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность.

© Волков А. Д., Тишков С. В., Аверьянов А. О., 2023.

Введение

Поиск новой модели освоения Арктики сопровождается апробацией новых, специфических институтов в развитии макрорегиона [1, с. 21–24]. Решение этой задачи, должно опираться на актуальные знания о важнейших аспектах социально-экономического развития Арктики, особенностях жизни местных сообществ. И если ряд таких аспектов является относительно хорошо изученными [2], то некоторым другим уделялось недостаточное внимание в научных исследованиях. Одними из таких малоизученных аспектов являются паттерны мышления, чувств и действий, характеризующие культурные особенности населения территорий Арктики и имеющие многогранное воздействие на все сферы жизни общества. Г. Хофстеде характеризовал эти паттерны как «ментальные программы» или «программное обеспечение мышления» [3, с. 159], распространённое среди населения в пределах определённой территории. Подтверждено эмпирическими исследованиями влияние культуры на ценности [4], поведение индивидов в различных сферах жизни общества [5], корпоративные ценности компаний [6], а также развитие отраслей и сфер деятельности в рамках национальных экономик [7].

В условиях таких пространственно дифференцированных стран, как Россия, особую актуальность имеет изучение региональной специфики этнометрических показателей, характеризующих культуру. Однако, несмотря на системную значимость культуры для социально-экономического развития общества, актуальная информация о ней фрагментирована в отечественном научном дискурсе. А. Аузан и соавторы [8] отмечают дефицит данных региональных исследований в области культурной специфики и её влияния на условия общественного развития. Данный аспект научной актуальности определяет предметную сторону исследования, в то время как выбор объекта опирается на необходимость актуализации данных

о социально-экономическом развитии Арктических территорий России. Цель работы – идентификация показателей, отражающих культурную специфику населения арктических территорий Архангельской области (АО) и Республики Коми (РК) на индивидуальном уровне. Исследование носит поисковый характер и реализует редко применявшийся в российской практике инструментарий измерения шести этнометрических показателей Г. Хофстеде на индивидуальном уровне.

Разработанность темы и методология исследования

Культура определяется исследователями как «набор относительно стабильных ценностей, норм, верований, традиций и артефактов, которые являются общими для рассматриваемого населения» [9, с. 2]. Методологические подходы к исследованию социокультурной специфики стран и регионов представлены в работах Ш. Шварца [10], Р. Инглхарта [11], Дж. Стенкампа [12]. Однако, как отмечается в [9], работы Г. Хофстеде [13] на настоящий момент остаются самыми цитируемыми в данном направлении исследований, а измерения, основанные на его методологии – самыми распространёнными и общепринятыми. Г. Хофстеде выделял шесть этнометрических показателей культуры. Достаточно подробное описание значения каждого измерителя представлено в [9; 14], поэтому мы ограничимся их кратким описанием: 1) маскулинность/феминность (Masculinity) – отражает преобладание маскулинных или феминных ценностей. К маскулинным ценностям относятся нацеленность на успех и результат, конкурентность, напористость. К феминным – относятся приоритет кооперации над конкуренцией, забота о качестве жизни, перераспределение благ от сильных к слабым; 2) дистанция власти (Power distance) – степень принятия неравномерности в распределении власти в обществе, а также – ожидания и готовности к этому неравен-

ству; 3) коллективизм/индивидуализм (Individualism) — отражает жёсткость и силу связей между индивидом и группой, к которой он принадлежит. Проявляется в приоритетности индивидуальных или групповых интересов в обществе; 4) избегание неопределённости (Uncertainty avoidance) — определяет степень принятия в рамках общества неопределённости смыслов, правил и установок, а также непредсказуемости ситуаций и будущего в целом. Избегание рисков или их допустимость; 5) долгосрочность целеполагания (переводится также как «долгосрочная/краткосрочная ориентация») (Long term orientations) — обуславливается выбором горизонта планирования индивида, отражает такие приоритеты как бережливость, упорство и расчётливость в достижении цели, способность жертвовать сиюминутными выгодами для этого; 6) допустимость удовлетворения желаний (также переводится как «потворство желаниям/сдержанность») (Indulgence) — принятая мера свободы удовлетворения естественных для человека потребностей, связанных с развлечениями, удовольствием и наслаждением жизнью.

Многими исследователями подчёркивается особый профиль культурных паттернов российского общества [3; 15]. В большинстве работ, выводы которых основаны на результатах измерений по методологии Г. Хофстеде, отмечается высокие показатели индивидуализма, а показатель дистанции власти носит умеренные значения. И та, и другая особенность более характерны для стран Запада. В то же время, высокие показатели «избегания неопределённости» и пониженные — маскулинности, отличают Россию и от большинства стран Востока [3]. Однако, измерение культурной специфики с применением методологии Г. Хофстеде на страновом уровне не позволяло эффективно исследовать влияние культурных паттернов на принимаемые индивидами решения, а также аспекты его жизнедеятельности. Анализ этих связей на уровне индивидов с опорой на национальные показате-

тели приводит к серьёзным неточностям в полученных результатах, особенно — в условиях высокой экономической, социальной, национальной и институциональной дифференциации территорий, выраженной результирующей гетерогенности культурных паттернов.

Исследование влияния культурной специфики на индивидуальные аспекты жизнедеятельности потребовало разработки отдельных шкал, что и было осуществлено в ряде работ [16–19]. В рамках настоящей работы для идентификации культурных особенностей проживающего населения и исследования взаимосвязи с их принадлежностью к различным социальным группам и индивидуальными установками нами была использована шкала В. Юо [18] по первым пяти из разработанных Г. Хофстеде показателям, и дополнена инструментарием А. Heydari [19] по исследованию шестого показателя — «допустимости удовлетворения желаний». В качестве примера рассмотрим блок инструментария, применявшегося для измерения показателя «коллективизм/индивидуализм» модели Г. Хофстеде (табл. 1)¹. Полевой этап исследования был осуществлён в октябре-ноябре 2021 г. на арктических территориях России. Была реализована многоступенчатая районированная выборка с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени (половозрастные квоты). Критерием отбора респондентов были: 1) возраст 16–72 лет; 2) постоянный характер проживания на исследуемых территориях. Объём выборки составил 1247 человек (арктические территории РК — 651 человек, арктические территории АО — 596 человек)². Средний возраст респондентов — 43 года. Параметры выборки представлены в табл. 2 и 3.

¹ Комплексная работа по переводу на русский язык, адаптации и апробации указанного инструментария в условиях России будет рассмотрена авторами в отдельной статье.

² В муниципальном разрезе выборка распределилась так (человек): Архангельск — 326, Северодвинск — 153, Онежский район — 71, Пинежский район — 46, Воркута — 314, Усинск — 164, Инта — 122, Усть-Цилемский район — 51.

Таблица 1

Инструментарий исследования показателя «коллективизм/индивидуализм» модели Г. Хофстеде на индивидуальном уровне

Table 1

Toolkit for the study of the “collectivism/individualism” indicator of the Hofstede model at the individual level

Показатель модели Г. Хофстеде	Вопрос «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?»	Применяемая шкала
«коллективизм/индивидуализм» (collectivism/individualism)	1. Отдельные люди должны жертвовать личными интересами ради коллектива	5-значная шкала Р. Ликерта с ответами от «полностью согласен» до «полностью не согласен»
	2. Люди должны держаться в коллективе, даже несмотря на возникающие при этом трудности	
	3. Общее благополучие важнее индивидуальных наград	
	4. Общий результат важнее индивидуального	
	5. Отдельные люди должны преследовать свои цели только принимая во внимание благополучие общности, группы, к которой они принадлежат	
	6. Приверженность общим целям должна одобряться, даже если она идёт в ущерб личным интересам	

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Республики Коми (16–72 лет)

Table 2

Ratio of sampling parameters and population structure of the Arctic territories of the Komi Republic (16–72 years old)

Возраст	Пол	Численность населения, человек	Структура населения по возрасту	Численность выборки, человек	Структура выборки	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности
16–29 лет	Мужской	44465	10,66%	60	10,07%	0,60%
	Женский	44503	10,67%	61	10,23%	0,44%
30–44 лет	Мужской	71072	17,04%	99	16,61%	0,43%
	Женский	73224	17,56%	100	16,78%	0,78%
45–59 лет	Мужской	50994	12,23%	77	12,92%	0,69%
	Женский	59178	14,19%	83	13,93%	0,26%
60–72 лет*	Мужской	28177	6,76%	48	8,05%	1,30%
	Женский	45424	10,89%	68	11,41%	0,52%
Всего		417037	100%	596	100%	Среднее – 0,63%

*Данные оценочные, т.к. в статистике учёт ведётся в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Архангельской области по районам, охваченным опросом (16–72 лет)

Table 3

Ratio of sampling parameters and population structure of the Arctic territories of Arkhangelsk oblast (16–72 years old)

Возраст	Пол	Численность населения, человек	Структура населения по возрасту	Численность выборки, человек	Структура выборки	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности
16–29 лет	Мужской	10576	9,68%	61	9,37%	0,31%
	Женский	9635	8,82%	55	8,45%	0,37%
30–44 лет	Мужской	19054	17,44%	109	16,74%	0,70%
	Женский	17321	15,85%	102	15,67%	0,19%
45–59 лет	Мужской	16335	14,95%	94	14,44%	0,51%
	Женский	18749	17,16%	108	16,59%	0,57%
60–72 лет*	Мужской	6818	6,24%	48	7,37%	1,13%
	Женский	10765	9,85%	74	11,37%	1,51%
Всего		109253	100%	651	100%	Среднее – 0,66%

*Данные оценочные, т.к. в статистике учёт ведётся в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Обработка данных осуществлялась с использованием средств программного комплекса SPSS, а также инструментов анализа и визуализации данных на языке программирования Python.

Результаты исследования

Выявленные значения этнометрических показателей модели Г. Хофстеде на индивидуальном уровне формируют расширенные возможности выявления зависимостей между культурными особенностями и социальными характеристиками населения, поведенческими установками его представителей. В то же время, они не заменяют расчёт традиционных показателей территориального (регионального, национального или странового) уровня и напрямую несопоставимы с ними: имея одну концептуальную основу в модели Г. Хофстеде, они опи-

раются на другую методику расчёта и сравнительного анализа.

Распространение значений отдельных этнометрических показателей в целом по населению арктических территорий Республики Коми и Архангельской области представлено на рис. 1. Для большинства населения рассматриваемых территорий характерны относительно низкие показатели «дистанции власти», умеренные значения показателей «допустимости удовлетворения желаний» и «коллективизма» и «маскулинности» и относительно высокие – «долгосрочности ориентаций», «избегание неопределённости». Некоторая поляризация заметна при рассмотрении показателей «долгосрочности ориентаций» и «допустимости удовлетворения желаний», тогда как по показателю «избегание неопределённости» разброс значений наименьший.

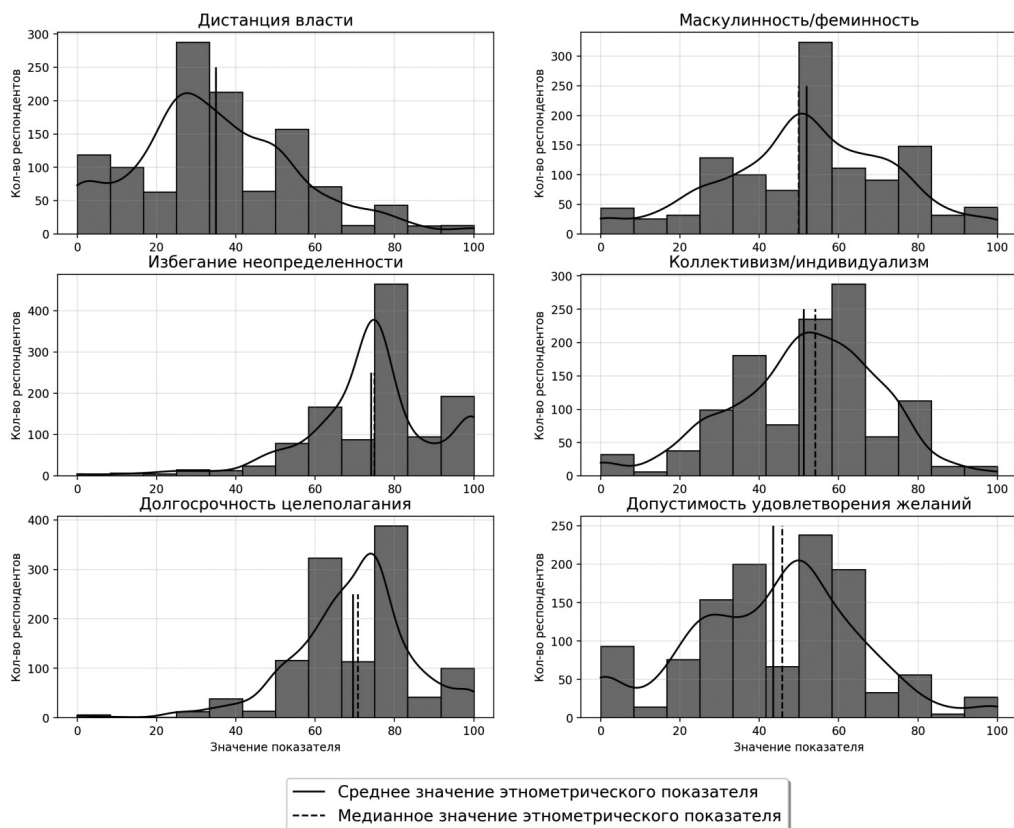

Рис. 1. Распределение значений этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде среди населения арктических территорий Республики Коми и Архангельской области

Fig. 1. Distribution of values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model within the population of the Arctic territories of the Komi Republic and Arkhangelsk oblast

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Средние значения индивидуальных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде в разрезе половой принадлежности населения^{1а}

Таблица 4

Table 4

Average values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model by gender of the population

Пол	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
Мужской	547	53,09	46,18	69,19	57,28	37,65	74,63
Женский	609	49,58	41,16	69,80	47,22	32,51	73,71
t-statistic		3,15	3,9	-0,68	7,95	4,2	0,9
p-value		0,001***	0,0007***	0,49	0,000***	0,000***	0,36

***Значимость различий при $p < 0,001$ (t-крит=3,1)

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

^а Для обозначения этнометрических показателей использовались сокращения принятые в методологии Г.Хофстеде: 1) Коллективизм/индивидуализм – idv; 2) Допустимость удовлетворения желаний – ivr; 3) Долгосрочность ориентаций – ltowvs; 4) Маскулинность – mas; 5) Дистанция власти – pdi; 6) Избегание неопределённости – uai.

Рассмотрение показателей в разрезе социальных групп позволяет отчасти объяснить различия в их значениях. В табл. 4 приведены средние значения этнометрических показателей, а также результаты их сравнения в разрезе половой принадлежности. Для определения наличия значимых различий в представленных показателях использовался метод статистической проверки гипотез Т-критерий Стьюдента. В четырёх из шести сравнений показателей выявлены значимые различия, в том числе значимость сохраняется с учётом поправки Бонферрони на множественные сравнения.

Как видно из табл. 4 влияние пола респондента на значения отдельных этнометрических показателей имеет различную выраженность. Наибольшие отличия наблюдаются в значениях «маскулинности», что соответствует наблюдениям Г. Хофстеде, отмечавшего, что единственное существенное различие, связанное с половой принадлежностью относится к значениям показателя «маскулинность/феминность» [20]. Несколько слабее влияние пола на значение показателя «коллективизма», также как и на «допустимость удовлетворения желаний», «дистанцию власти» (для мужчин значения выше, чем для женщин). Влияние пола является не существенным для значений «долгосрочности ориентаций» и «избегания неопределённости».

При рассмотрении значений показателей в разрезе возрастных групп мы также видим определённые взаимосвязи (табл. 5). Сравнение различий в группах было проведено при помощи дисперсионного анализа. Наиболее явно зависимость от принадлежности респондента к возрастной группе демонстрирует показатель «допустимости удовлетворения желаний» — при переходе от младшей к старшим группам прослеживается монотонное убывание значения. Показатель «долгосрочности ориентаций» имеет схожую, но менее выраженную динамику, также как и показатель «маскулинности». Возраст не оказывает видимого влияния на значения показателей «коллекти-

визма», «дистанции власти» и «избегания неопределённости».

Как показали результаты измерений, уровень дохода практически не зависит от значения показателя «коллективизма» (табл. 6). Однако между уровнем дохода и показателями «маскулинности», «дистанции власти» и, особенно, «долгосрочности ориентаций» присутствует статистически значимая положительная зависимость — чем выше значение данных этнометрических показателей, тем выше доход индивида. Показатель «избегания неопределённости» имеет наименьшее значение для наивысшей из доходных групп, хотя связь в этом случае не является очевидной. «Допустимость удовлетворения желаний» максимальна среди наивысшей и низшей из доходных групп.

В работе А. Аузана и Е. Никишиной подчёркивается диалектический характер взаимовлияния культуры и экономики (по определению локализованной в пространственных координатах) [21, с. 23]. Рассматривая особенности значений этнометрических показателей населения в разрезе регионов, мы видим значимые различия по ряду показателей (табл. 7). Для сравнения также использовался параметрический метод проверки гипотез Т-критерий Стьюдента. Среди респондентов, проживающих на арктических территориях Республики Коми значительно выше уровень «коллективизма» и умеренно выше — значения «маскулинности» и «избегания неопределённости». При этом среди респондентов, проживающих на арктических территориях Архангельской области относительно более высокие значения имеет показатель «допустимости удовлетворения желаний».

Интерес представляет выявление корреляционных зависимостей между различными этнометрическими показателями в модели Г. Хофстеде, измеренными на индивидуальном уровне. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 8. Наибольшее значение корреляции выявлено между показателем «маскулинности» и «дистанции власти», одна-

Таблица 5

**Средние значения индивидуальных этнометрических показателей
в модели Г. Хофстеде в разрезе возрастных групп населения**

Table 5

Average values of individual ethnometric indicators in the
Hofstede model by age groups of the population

Возрастная группа, лет	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
16–29	225	51,37	49,8	71,8	48,76	34,56	76,76
30–44	374	50,41	45,6	69,92	50,31	35,28	72,22
45–59	336	50,7	40,55	69,6	54,82	35,92	73,79
60–73	221	53,36	38,19	66,37	53,76	33,28	75,29
F-statistic		1,26	14,57	5,01	4,71	0,77	3,66
p-value		0,28	0,0009***	0,001***	0,002***	0,5	0,001***

***Значимость различий при $p < 0.001$

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Таблица 6

**Средние значения индивидуальных этнометрических показателей
в модели Г. Хофстеде в разрезе доходных групп населения**

Table 6

Average values of individual ethnometric indicators in the
Hofstede model by income groups of the population

Уровень доходов	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
До 20 тыс. руб.	284	51,3	47,6	67,9	49,6	33,4	74,9
От 20 до 30 тыс. руб.	263	51,1	41,9	68,1	51,2	31,3	76
От 30 до 45 тыс. руб.	244	50,6	40,4	70,4	49,4	33,6	72,1
От 45 до 80 тыс. руб.	218	52,5	42,8	71,7	56	38,8	75,3
Свыше 80 тыс. руб.	54	52,1	48,8	74,8	58,4	44,5	70,1
F-statistic		0,34	4,84	4,45	4,8	7,86	2,8
p-value		0,85	0,0007***	0,001**	0,0007***	0,00001***	0,024*

Значимость различий при $p < 0.05^*$, при $p < 0.01^{**}$, $p < 0.001^{***}$

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Таблица 7

**Средние значения индивидуальных этнометрических показателей в
модели Г. Хофстеде в разрезе региона проживания населения**

Table 7

Average values of individual ethnometric indicators in the Hofstede
model by region of residence of respondents

Территория проживания	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
Архангельская область	605	46,21	46,50	68,48	49,27	35,18	71,25
Республика Коми	551	55,83	40,83	70,46	54,45	34,73	76,78
t-statistic		8,8	4,5	2,2	3,9	-0,37	5,48
p-value		0,000***	0,000***	0,027*	0,0006**	0,52	0,000***

Значимость различий: *при $p < 0.05$ (t-крит = 1,6), **при $p < 0.01$ (t-крит = 2,3), *** $p < 0.001$ (t-крит = 3,1)

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

ко и оно слабо выражено. Несколько ниже значения в парах «долгосрочность ориентации»/«избегание неопределённости», «коллективизм»/«избегание неопределённости». В целом по результатам прове-

дённного анализа не приходится говорить о существовании значимой корреляции между этнометрическими показателями населения рассматриваемых регионов.

Таблица 8

Корреляционная матрица этнометрических показателей по модели Г. Хофстеде (индивидуальный уровень измерения)

Table 8

Correlation matrix of ethnometric indicators according to the Hofstede model (individual level of measurement)

Этнометрический показатель	pdi	mas	uai	idv	ltowvs
Маскулинность (mas)	0,33**				
Избегание неопределённости (uai)	-0,02	0,05			
Коллективизм (idv)	0,15**	0,18**	0,26**		
Долгосрочность ориентации (ltowvs)	0,01	0,02	0,29**	0,15**	
Допустимость удовлетворения желаний (ivr)	0,19**	0,1*	-0,14**	-0,03	-0,04

Значимость коэффициента корреляции: *при $p < 0,05$, **при $p < 0,01$.

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Выводы и обсуждение результатов

Полученные в результате проведения полевого исследования данные (на индивидуальном уровне измерения этнометрических характеристик) расходятся со страновыми значениями в базе Г. Хофстеде³, но в гораздо большей степени соотносятся с российскими исследовательскими данными, представленными, в частности, в работе Н. Латовой. Отличия могут быть объяснены как разницей в применяемой методологии на страновом и индивидуальном уровнях измерения, так и, собственно, спецификой территориального охвата, социально-экономического контекста отдельных территорий. Как показали результаты исследования, достаточно значимые отличия в средних значениях показателей наблюдаются в разрезе регионов. В частности, наиболее выражены они по показателям «коллективизма»

и «допустимости удовлетворения желаний». Данные межрегиональные различия объясняются с позиции гетерогенности и гомогенности отдельных параметров культуры, отмечавшихся Н. Латовой на межрегиональном уровне [3].

Можно сделать вывод о существовании зависимости отдельных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде от социальных характеристик населения — например, пола, возраста и дохода. Так, например, уровень «маскулинности» выше среди мужчин, а уровень «допустимости удовлетворения желаний» ниже среди старших возрастных групп. Существование подобного рода зависимостей этнометрических показателей от социальных характеристик может говорить, например, о межпоколенческих различиях в особенностях культуры.

Выявленные межтерриториальные различия в значениях этнометрических показателей могут быть сопоставлены с различиями в культурных особенностях между разными доходными группами насе-

³ Hofstede's Globe. Dimension data matrix—2016.—URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/08/6-dimensions-for-website-2015-08-16.xls> (дата обращения: 21.01.2023).

ления — здесь интерес вызывает наличие признаков отбора в социально-экономических системах. Сущностной особенностью этого отбора является комплементарность определённых культурных характеристик индивидов параметрам пространственно локализованной социально-экономической системы, позволяющая одним индивидам успешнее, чем другим, воспроизводить свой человеческий капитал. Тогда как критическое несоответствие культурных характеристик индивида параметрам социально-экономической системы и обусловленные этим несоответствием повышенные транзакционные издержки в воспроизводстве человеческого капитала могут привести к миграции индивида или суженным экономическим условиям деторождения. Что, в свою очередь, ограничит распространение соответствующих культурных норм в результате прекращения социальных интеракций на данной территории. Эта гипотеза нуждается в операционализации и проверке в ходе дальнейших исследований.

В настоящей работе мы делали акцент на влиянии культуры на экономические показатели на индивидуальном уровне. В то же время, как отмечает А. Аузан и соавторы: «Культура влияет на экономические процессы, но одновременно и эконо-

мические процессы влияют на культуру.» [8, с. 79]. В связи с этим не менее интересным для дальнейшего изучения является аспект диалектической взаимосвязи культуры и экономики, который в различных пространственных условиях может обуславливать преобладающее влияние одной из данных компонент общественного развития.

Представленный в работе опыт измерения этнометрических показателей в модели Хофстеде на индивидуальном уровне является одним из первых в отечественной практике. Полученные результаты могут быть использованы в решении широкого спектра задач государственного управления, в частности, для региональной спецификации государственных программ стимулирования предпринимательской активности населения и деятельности в сфере НКО. Предметом дальнейших исследований является углублённое изучение межтерриториальной дифференциации этнометрических показателей с переходом на районный уровень, изучение их связей с поведенческими установками населения и параметрами развития человеческого капитала, а также охват полевыми работами других регионов российской Арктики.

Литература и Интернет-источники

1. Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учётом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов: монография / ред. Т.П. Скуфьина. — Апатиты : КНЦ РАН, 2021. — 209 с. DOI:10.37614/978.5.91137.458.7; EDN: DSHHMW
2. **Ковалева, О. М.** Миграционные тенденции в Арктической зоне России в 2012–2019 годах / О. М. Ковалева // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 147–160. — DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12; EDN: TVBXXP
3. **Латова, Н. В.** Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) / Н. В. Латова // Вестник Института социологии. — 2016. — № 4(19). — С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN
4. **Rodríguez-Gázquez, M. Á.** Countries' cultures and professional nursing values: Cross-cultural evidence from Spanish and Colombian nursing students / M. Á. Rodríguez-Gázquez, S. B. Hoyuelos, J. R. González-López // Nurse Education in Practice. — 2021. — Vol. 50. — No. 102953. DOI: 10.1016/j.nepr.2020.102953

5. **Zolduoarrati, E.** Impact of individualism and collectivism cultural profiles on the behaviour of software developers: A study of stack overflow / E. Zolduoarrati, S.A. Licorish, N. Stanger // Journal of Systems and Software.— 2022.— Vol. 192.— No. 111427. DOI: 10.1016/j.jss.2022.111427
6. **Vitolla, F.** Do cultural differences impact ethical issues? Exploring the relationship between national culture and quality of code of ethics / F. Vitolla, N. Raimo, M. Rubino, G.M. Garegnani // Journal of International Management.— 2021.— Vol. 27.— Issue 1.— No. 100823. DOI: 10.1016/j.intman.2021.100823
7. **Lee, C.—C.** The dimension of green economy: Culture viewpoint / C.—C. Lee, C.—W. Wang, S.—J. Ho // Economic Analysis and Policy.—2022.— Vol. 74.— P. 122–138. DOI: 10.1016/j.eap.2022.01.015
8. **Аузан, А.А.** Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / А.А. Аузан, А.И. Бахтигараева, В.А. Брызгалин [и др.] // Вопросы экономики.— 2020.— № 7.— С. 75–91. DOI: 10.32609/0042–8736–2020–7–75–91; EDN: YLTOWI
9. **Taras, V.** A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede's model of culture / V. Taras, P. Steel, M. Stackhouse // Journal of World Business.— 2023.— Vol. 58.— Issue 1.— No. 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386
10. **Schwartz, S.** A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications / S. Schwartz // Comparative Sociology.— 2006.— Vol. 5.— Issue 2–3.— P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
11. **Inglehart, R.** Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker // American Sociological Review.— 2000.— Vol. 65.— No. 1.— P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288
12. **Steenkamp, J.E.M.** The role of national culture in international marketing research / J.E.M. Steenkamp // International Marketing Review.— 2001.— Vol. 18.— No. 1.— P. 30–44. DOI: 10.1108/02651330110381970
13. **Hofstede, G.** Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. // Online Readings in Psychology and Culture—2011: [сайт].— URL: http://mchmielecki.pbworks.com/w/file/fetch/64591689/hofstede_dobre.pdf (дата обращения: 03.02. 2023).
14. **Гладких, Е.Г.** Институциональные аспекты приграничного делового сотрудничества России и Финляндии / Е.Г. Гладких, Е.А. Шлапеко // Актуальные проблемы экономики и права: сборник трудов.— Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018.— С. 30–42. EDN: YMZDHF
15. **Chimenson, D.** The paradox and change of Russian cultural values / D. Chimenson, R.L. Tung, A. Panibratov, T. Fang // International Business Review.— 2022.— Vol. 31.— Issue 3.— No. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
16. **Erdem, T.** Brands as signals: a cross-country validation study / T. Erdem, J. Swait, A. Valenzuela // Journal of Marketing.— 2006.— Vol. 70.— No. 1.— P. 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38
17. **Sharma, P.** Measuring personal cultural orientations: scale development and validation / P. Sharma // Journal of the Academy of Marketing Science.— 2010.— Vol. 38.— No. 6.— P. 787–806. DOI: 10.1007/s11747–009–0184–7
18. **Yoo, B.** Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE / B. Yoo, N. Donthu, T. Lenartowicz // Journal of International Consumer Marketing.— 2011.— Vol. 23.— No. 3–4.— P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
19. **Heydari, A.** Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation / A. Heydari, M. Laroche, M. Paulin, M.—O. Richard // Journal of Retailing and Consumer Services.— 2021.— Vol. 62.— No. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
20. **Hofstede, G.** 2001. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations / G. Hofstede.— Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.— 616 p.
21. **Аузан, А.А.** Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина.— Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021.— 200 с.

Информация об авторах:

Волков Александр Дмитриевич, к.э.н., научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Researcher ID Web of Science: AAF-8665-2020; Scopus Author ID: 57211205634; РИНЦ AuthorID: 78571.

Тишков Сергей Вячеславович, к.э.н., учёный секретарь, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: insteco_85@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6061-4165; Researcher ID Web of Science: G-6190-2014; Scopus Author ID: 57202391373; РИНЦ AuthorID: 534254.

Аверьянов Александр Олегович, аспирант, ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aver@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Scopus Author ID: 57223919786; Researcher ID Web of Science: AGK-3166-2022; РИНЦ AuthorID: 1109853.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS

Alexander D. Volkov¹, Sergey V. Tishkov¹, Alexander O. Averianov²*

¹Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (50 prospect A. Nevskogo, Petrozavodsk, Russia, 185030)

²Petrozavodsk State University, (33 prospect Lenina, Petrozavodsk, Russia, 185910)

**E-mail: kov8vol@gmail.com*

Funding:

The study was performed under the State assignment to the Institute of Economics of KarRC RAS “Comprehensive research and development of the foundations for sustainable development management of Russia’s North and border zones in the context of global challenges”.

For citation:

Volkov A.D., Tishkov S.V., Averianov A.O. Socio-cultural features of the population of the Russian Arctic regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 52-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of a sociological study of the population of two Arctic regions of Russia using the actual tools for measuring six Hofstede’s ethnometric indicators (“masculinity”, “power distance”, “collectivism/individualism”, “uncertainty avoidance”, “long-term orientations”, “indulgence” at the individual level. The field stage of the study was carried out in October–November 2021 in the Arctic territories of Arkhangelsk oblast and the Komi Republic. The tasks of identifying indicators of the cultural specificity of the population of these territories, differences in the values of ethnometric indicators between separate social groups (gender, age, income level), as well as in the inter-territorial context, were solved. The results of the study show that there is a statistically significant positive relationship between the level of income and the values of the indicators “long-term orientations”, “masculinity” and “power distance” — the higher the value of these ethnometric indicators, the higher the individual’s income. It has been established that the population of the Arctic territories of the Komi Republic is characterized by a higher level of “collectivism”, “masculinity” and “uncertainty avoidance” than the population of Arkhangelsk oblast. The population of the Arctic territories of Arkhangelsk oblast, in turn, is characterized by*

higher values of the “permissibility of satisfaction of desires” indicator. A hypothesis is formulated about the mechanism of spatially determined socio-economic selection of cultural patterns of individuals, implemented in the mechanisms of human capital reproduction. This hypothesis needs to be operationalized and verified in the course of further research. The results obtained can be used in solving a wide range of tasks of public administration, in particular, for regional specification of State programs to stimulate entrepreneurial activity of the population and activities in the field of NGOs. The process of adaptation of the toolkit and its verification deserves a detailed consideration in a separate publication.

Keywords: culture, values, Arctic regions, G. Hofstede, population survey, power distance, uncertainty avoidance, masculinity.

References and Internet sources

1. Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiyskoy Arktiki s uchotom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineral'no-syr'yevykh faktorov [Socio-Economic Dynamics and Prospects for Development of the Russian Arctic, Taking into Account Geopolitical, Macroeconomic, Environmental and Mineral Factors]. Eds. Skufina T.P., Korchak E.A. Apatity. KNTs RAS [Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. 209 p. DOI: 10.37614/978.5.91137.458.7 (in Russ.)
2. Kovaleva O.M. Migratsionnyye tendentsii v Arkticheskoy zone Rossii v 2012–2019 godakh [Migration trends in the Arctic zone of Russia in 2012–2019]. Narodonaselenie. [Population]. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 147–160. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12 (in Russ.)
3. Latova N.V. Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskii analiz na osnove kontseptsii G. Hofstede) [Russians' cultural specificity (An ethnometric analysis based on Geert Hofstede's concept)]. Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2016. No. 4(19). P. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433 (in Russ.)
4. Rodríguez-Gázquez M. Á., Hoyuelos S.B., González-López J.R. Countries' cultures and professional nursing values: Cross-cultural evidence from Spanish and Colombian nursing students. *Nurse Education in Practice*. 2021. Vol. 50. No. 102953. DOI: 10.1016/j.nepr.2020.102953
5. Zolduoarrati E., Licorish S.A., Stanger N. Impact of individualism and collectivism cultural profiles on the behaviour of software developers: A study of stack overflow. *Journal of Systems and Software*. 2022. Vol. 192. No. 111427. DOI: 10.1016/j.jss.2022.111427
6. Vitolla F., Raimo N., Rubino M., Garegnani G.M. Do cultural differences impact ethical issues? Exploring the relationship between national culture and quality of code of ethics. *Journal of International Management*. 2021. Vol. 27. Issue 1. No. 100823. DOI: 10.1016/j.intman.2021.100823
7. Lee C.—C., Wang C.—W., Ho S.—J. The dimension of green economy: Culture viewpoint. *Economic Analysis and Policy*. 2022. Vol. 74. P. 122–138. DOI: 10.1016/j.eap.2022.01.015
8. Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sotsiokul'turnyye faktory v ekonomike: proyednyye rubezhi i aktual'naya povestka [Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2020. No.7. P. 75–91. DOI:10.32609/0042–8736–2020–7–75–91 (in Russ.)
9. Taras V., Steel P., Stackhouse M. A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede's model of culture. *Journal of World Business*. 2023. Vol. 58. Issue 1. No. 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386
10. Schwartz S. A Theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5. No. 2–3. P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
11. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288
12. Steenkamp J.E.M. The role of national culture in international marketing research. *International Marketing Review*. 2001. Vol. 18. No. 1. P. 30–44. DOI: 10.1108/02651330110381970

13. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Available at: http://mchmielecki.pbworks.com/w/file/fetch/64591689/hofstede_dobre.pdf. (Accessed: 3 February 2023)
14. Gladkikh, E. G., Shlapeko E. A. Institutsional'nyye aspekty prigranichnogo delovogo sotrudnichestva Rossii i Finlyandii [Institutional aspects of cross-border business cooperation between Russia and Finland]. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [*Actual Issues of Economics and Law*]. Kirov. Mezhrregional'nyy tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii [Interregional Center for Innovative Technologies in Education]. 2018. P. 30–42. (in Russ.)
15. Chimenson D., Tung R. L., Panibratov A., Fang T. The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*. 2022. Vol. 31. Issue 3. No. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
16. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as signals: a cross-country validation study. *Journal of Marketing*. 2006. Vol. 70. No. 1. P. 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38
17. Sharma P. Measuring personal cultural orientations: scale development and validation. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2010. Vol. 38. No. 6. P. 787–806. DOI: 10.1007/s11747-009-0184-7
18. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
19. Heydari A., Laroche M., Paulin M., Richard M-O. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 62. No. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
20. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks, CA. Sage Publications. 2001. 616 p.
21. Auzan A. A., Nikishina E. N. Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyayet na ekonomiku, a ekonomika — na kul'turu: kurs lektsiy [*Socio-Cultural Economics: How Culture Affects Economy, and How Economy Influences Culture: a Course of Lectures*]. Moscow. MGU imeni M. V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. 2021. 200 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Volkov Alexander Dmitrievich, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Researcher ID Web of Science: AAF-8665-2020; Scopus Author ID: 57211205634; Elibrary AuthorID: 78571.

Tishkov Sergey Vyacheslavovich, Candidate of Economics, Scientific Secretary, Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: insteco_85@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6061-4165; Researcher ID Web of Science: G-6190-2014; Scopus Author ID: 57202391373; Elibrary AuthorID: 534254.

Averyanov Alexander Olegovich, postgraduate student, Leading Specialist, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: aver@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Scopus ID: 57223919786; Researcher ID: AGK-3166-2022; Elibrary AuthorID: 1109853.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.